

Независимая жизнь - 1993
25 ноября - с. 7

О несостоявшемся юбилее

В одной из газет в разделе «Московские театры» было объявлено: «11 — «Холопы». Старый спектакль Б. Львова-Анохина из гораздо более давней жизни прошлого века. Все еще играет Е. Гоголева, что само по себе — подвиг». «Все еще» — не очень тактично по отношению к почтенной актрисе, но о подвиге — верно. Да, каждое представление девяностолетней актрисы было подвигом. Триумфом, сопровождавшимся бурей рукоплесканий и дождем цветов, какой бывает на самых торжественных и праздничных бенефисах.

Последний она сыграла 22 октября. Я пришел к ней в уборную, когда после многих вызовов закрылся занавес, и она была измучена и расстроена. Спектакль показался ей

неудачным. Она была недовольна собой, некоторыми партнерами, упрекала себя, судила тем судом высшей художественной тщательности, которая свойственна ее поколению. Перед 22-м она позвонила мне и сказала: «Я играю в последний раз, больше не хочу, не могу». Опять-таки та требовательность, та требовательность к себе, которую не могут усыпить никакий успех, никакие овалы и цветы.

Но ее уговорили 11 ноября сыграть еще один спектакль — юбилейный, к которому выпустили специальную афишу — 75 лет на сцене Малого театра.

Она волновалась, нервничала, звонила, советовалась, думала о том, как должен пройти юбилей. Не хотела речей, славословий, решила все это запретить и сама сказать несколько слов прощания и благодарности стенам Малого театра, его священным для нее подмосткам, своим коллегам, партнерам, зрителям.

Ей не пришлось услышать пышных поздравлений. Она умерла на 21-й день после своего последнего спектакля, на следующий день после несостоявшегося юбилея. Умерла, как жила. Последние дни ее перед инсультом прошли в театральных волнениях, тревогах, заботах. Может быть, они и убили ее. Но что делать, наверное, такова судьба великой актрисы.

Напечатают некролог, произнесут речи у гроба, напишут статьи и, когда-нибудь книги. Но я хочу сказать о слезах, которые почти никто не увидит, горьких словах и причитаниях, которые почти никто не услышит.

Многие опечалены уходом Гоголевой. Но, пожалуй, больше всех горюет никому не известная простая женщина — Варвара Ивановна Волкова, сорок лет верой и правдой служившая Елене Николаевне. Она не оставила ее в беде, когда Елена Николаевна сломала ногу, почти не могла ходить, стала совсем беспомощной. Впрочем, она всегда была абсолютно беспомощна житейски, по-моему, весьма затруднялась, когда ей приходилось самой зажечь газовую конфорку. Заботы Варвары Ивановны продлили ее жизнь, дали ей возможность думать только о сцене. Я не могу не сказать об этом. Такая преданность — редкость в наши дни, подвиг актрисы был подкреплен незаметным подвигом простой русской женщины, кормившей, одевавшей, умывавшей свою красавицу актрису, ворчавшей, уговаривавшей, бесконечно любившей ее. Существуют легенды о преданности Василисы, домоуправительницы М.Г.Савиной. Варвара Ивановна — такая же, только ей приходилось труднее, ибо быт советской актрисы Гоголевой был более труден, гораздо хуже устроен, чем быт артистки императорских театров Савиной.

Ушла из жизни последняя актриса, игравшая в одном спектакле с М.Н. Ермоловой, все в тех же «Холопах», где Мария Николаевна была старой княжной, а Елена Николаевна — красавицей Дунечкой. Неужели порвалась связь времен? Как сделать, чтобы с уходом великих стариков не умирали традиции высокого артистического служения, благородства, неподкупной художественной и человеческой совести?

В «Мамуре» я просил Елену Николаевну сыграть сцену смерти стоя — она стояла в длинной ночной рубашке, с распущенными седыми волосами, бледная, и говорила тихо: «Я чувствую себя совсем легкой. Это мой настоящий праздник! Я тоже отправляюсь в путь... Я тоже...»

Гоголева сама умерла стоя. Она играла на сцене почти до самых последних дней. Это был подвиг. Ее достижениями были пудренный парик и пышные роброны княжны Плавутинной-Плавунцовой, роль которой когда-то играла Ермолова, маленький портрет её в оправе из темных гранатов Гоголева всегда носила на груди. Многие думали, что это драгоценный раритет, но у Елены Николаевны не было драгоценностей. Портрет был вырезан из какого-то журнала и вложен под стекло броши. Трогательная «хитрость» ради обожаемой Актрисы, память которой Гоголева чтит всю жизнь.

Сумеет ли мы быть так же верны памяти нашей Княжны, нашей Мамуре, нашей царицы Малого театра?

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН